

«ФИЛОСОФИЯ — ЭТО МЫШЛЕНИЕ НА ПРЕДЕЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ!»

Интервью с Владиславом Александровичем Лекторским

*Материал опубликован
при поддержке РГНФ: грант №04-03-83307 а/у*

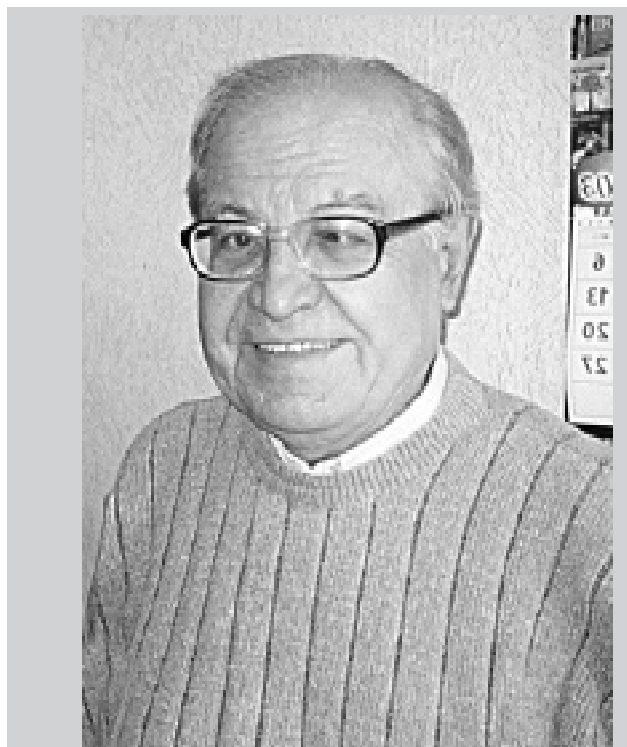
культурной «опосредствованности» как особенности познавательной деятельности; о взаимосвязи сознания внешнего объекта и самосознания субъекта в разнообразных формах вплоть до высших форм рефлексии; о существовании субъективной и объективной рефлексии; обоснование взаимосвязи и взаимопереходов рефлексивных и нерефлексивных измерений познавательной деятельности. В своих «мета-эпистемологических исследованиях» он развил социокультурную интерпретацию эпистемологии. В последние годы в центре его интересов проблемы теории сознания, связи деятельности и коммуникации, судьбы человека и его субъективности в «цивилизации знаний», типов рациональности, неклассической эпистемологии.

Свыше пятнадцати лет (заметим, особых лет в истории страны и отечественной философии) В.А. Лекторский — главный редактор журнала «Вопросы философии». С 1988 по 2003 гг. — член совета директоров Международной федерации философских обществ. В 1993-1998 гг. был вице-президентом этой федерации. С 1990 г. — член руководства Международного общества по теории деятельности. С 2001 г. — член Международного Института философии (Париж). В.А. Лекторский неоднократно выступал на международных симпозиумах и конгрессах. Он пользуется признанием и авторитетом среди самых знаменитых современных философов — П. Рикера, Ю. Хабермаса, многих других.

Всесторонняя научная, преподавательская, организаторская деятельность В.А. Лекторского включает и контакты с философской общественностью многих регионов страны, в том числе и Екатеринбурга. Он активен и открыт новым идеям, философам, общению.

— *Уважаемый Владислав Александрович, расскажите, как Вы пришли в философию и что повлияло на ваше профессиональное становление?*

— Я решил поступать на философский факультет буквально за два месяца до окончания 10-го класса средней школы. Заканчивал школу я в 1950 г.. Я учился в хорошей школе, где работали прекрасные учителя. У нас преподавала жена известного историка С.Д. Сказкина, сама прекрасный историк. Под влиянием чтения Белинского, Писарева, Герцена, Чернышевского, во мне пробудился интерес к философии. Но в то же время я увлекался историей. Сначала хотел поступать на исторический факультет МГУ, даже ходил

Для российских и зарубежных специалистов в области теории познания, философии науки, философии психологии и смежной проблематики, книги и статьи В. А. Лекторского — необходимый и авторитетный источник знаний и творчества. Без опоры на них невозможно представить ни одно серьезное исследование в этой области. Несколько поколений философов — соискателей, аспирантов, студентов, преподавателей, учатся и учат других на основе его оригинальных идей и концепций.

Владислав Александрович Лекторский, — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, с 1969 г. возглавляет отдел теории познания Института философии АН СССР (ныне РАН), с 1998 г. — заведующий Отделом эпистемологии и логики. Он — автор более 400 публикаций, из них 4 монографии. Многие из его работ переведены на английский, немецкий, французский, польский, чешский и другие языки.

В произведениях В.А. Лекторского развивается концепция деятельностного и культурно-исторического анализа познания. Оригинальным вкладом в науку стали многие идеи В.А. Лекторского: о специфически социально-

на истфак в День открытых дверей. За несколько месяцев до поступления, в процессе чтения естественно-научной и философской литературы (А. Эйнштейна, немного Гегеля) и общения с моим одноклассником и другом Г. Батищевым, увлекавшимся философией, после некоторых раздумий, я решил, что все-таки философия — именно то, что мне нужно. Поскольку я окончил школу с золотой медалью, вместо вступительных экзаменов я прошел собеседование. С началом учебы на философском факультете все представлялось мне интересным и удивительным. Но постепенно какие-то вещи стали казаться странными, а что-то даже отталкивало. Скажем, биологию у нас преподавал некто Дворянкин. Вслед за своим учителем Т.Д. Лысенко он шельмовал западных и отечественных генетиков, и я со временем разочаровался в его лекциях, поскольку начинал понимать, что А. Вейсман — отнюдь не идиот. Даже в это время интереснейшие лекции у нас были по истории философии, просто блестящие лекции по психологии нам читал П.Я. Гальперин.

На третьем-четвертом курсе у меня утвердился устойчивый интерес к философии, появилась определенность в научных пристрастиях. Это было связано с деятельностью Э.В. Ильенкова и А.А. Зиновьева, которые предложили философской общественности новые идеи и проблематику. Я понял, философия может быть чрезвычайно интересной. С тех пор и в течение последующей жизни я занимался анализом науки, проблематикой теории познания.

На мое самоопределение косвенно влияла и идеологическая ситуация в стране. Если бы Сталин был жив, вряд ли бы произошли такие изменения. В 1954 г. Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев только что опубликовали свои кандидатские диссертации. Оба занимались одной темой: «Анализ метода восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса», но решение общей для них проблемы они представили в двух разных философско-логических программах. Вокруг них сформировалось две школы, две группы учеников. Я был старостой спецсеминара, работавшего под руководством Э.В. Ильенкова. В свете анализа «Капитала» мы реконструировали проблематику теории познания. Эта работа и дала толчок моим собственным исследованиям. Некоторые из идей Э.В. Ильенкова я пытался развивать самостоятельно, потом я переосмыслил некоторые из его идей.

В 1957 г. я поступил в аспирантуру Института философии АН СССР. В это время философы интенсивно изучали проблемы мышления, теории познания, логики, осваивали традиции немецкой философии, штудировали И. Канта, Г. Гегеля, контактировали с математиками, психологами. В психологии шла интенсивная работа, связанная с психологическим анализом мышления. Издавались философско-психологические книги, в частности работы Л.С. Выготского. В философии в 1960 — 1970-е годы шел своего рода «бум» исследований в области логики, методологии и теории познания. Появилась масса новых идей. В этом контексте я и развивался как философ. Я открыл для себя символическую логику, изучил историю логики, труды представителей западной аналитической философии. Но и у нас были выдающиеся исследователи в области логики, например, В.А.

Смирнов.

В 1953 г. в Москву в Институт философии был приглашен грузинский философ К.С. Бакрадзе. Он читал курс лекций по новейшей западной философии — феноменологии, неокантианству и другим направлениям. К.С. Бакрадзе в 1920-е годы десять лет учился в Германии, слушал лекции Э. Гуссерля. Идеи, с которыми он нас знакомил, были открытием для того времени. Это сейчас они считаются сами собой разумеющимися. Но в советской науке считалось, что после К. Маркса ничего хорошего в философии не было создано, и создано быть не могло. К.С. Бакрадзе детально анализировал тексты Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, Э. Гуссерля, пытаясь не только понять их, но и развивать их идеи. Так мы пришли к осознанию того, что заниматься философией на современном уровне невозможно без знания и понимания западной философии конца XIX — начала XX вв., того периода в истории западной философии, который казался выпавшим из истории философии для советской науки. Я стал серьезно изучать современную аналитическую философию (работы Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Г. Райла и др.). Изучение этих философов оказало существенное влияние на мое философское становление.

— Как бы Вы охарактеризовали нынешнюю теоретическую ситуацию в философских науках на Западе?

— Тема эта необъятная, но можно выделить несколько важных моментов. В современной зарубежной философии происходят интересные явления. Во-первых, резкое разделение на те школы и направления, к которому мы привыкли, уходит в прошлое. Например, аналитическая философия. Центром ее развития были Англия и США. Влиятельной она была и в Скандинавии — Швеции, Финляндии, а также в Австрии и Новой Зеландии.

Но в континентальной философии превалировали другие течения. В Австрии и Германии работали отдельные представители аналитической философии, но они эмигрировали в США. В последние десятилетия XX в. в Европе аналитическая философия не пользовалась популярностью, хотя исторически зародилась там. В послевоенные годы в Европе, особенно во Франции и Германии, стали влиятельными экзистенциализм, феноменология, герменевтика, потом структурализм (во Франции) и постструктурализм. В Англии и США эти течения не были популярными. Между аналитической философией и этими направлениями взаимодействия не происходило. Но в последние пятнадцать — двадцать лет ситуация изменилась. Началось интенсивное взаимодействие между разными философскими направлениями. Аналитическая философия открылась для феноменологии, в них появилась общая проблематика. Примером могут служить исследования норвежского философа, логика Д. Фолесдала или же швейцарского философа Г. Кюнга.

То же самое происходит и с герменевтикой. Аналитическая философия повлияла на немецкого философа К.-О. Аппеля. Его концепция стала возможной благодаря тому, что он синтезировал традиции немецкой философии и идеи американского прагматизма. Ю. Хабермас — еще один пример. При разработке собственной оригинальной концепции он использовал некоторые идеи

англо-американской аналитической философии. Другой популярный сейчас философ — П. Рикер, феноменолог, специалист по герменевтике, в то же время является знатоком аналитической философии. Что касается постструктурализма в его постмодернистской версии, то он не принимается аналитической философией. Между ними существует, скорее отторжение, чем взаимодействие. Хотя некоторые авторы (например, американский философ Р. Рорти) пытаются интерпретировать постмодернизм в духе неопрагматизма.

Второй момент. Сейчас происходит своего рода «обмирщение» философии. Возможно, это не совсем точный термин, постараюсь пояснить свою позицию. Философия всегда была и воспринималась как форма очень высокой культуры, имеющей дело с абстракциями высшего порядка. Это рефлексия над всеми формами культуры — наукой, нравственностью, искусством, религией, над человеческой жизнью в целом. Философия имела дело с анализом оснований познания, не совпадая при этом с наукой. В XX веке на Западе, с одной стороны, философы стали более тесно взаимодействовать со специальными дисциплинами — математикой, физикой, с другой ученые (В. Гейзенберг, Н. Бор, А. Эйнштейн) начали обращаться к философской теории познания и даже писать философские книги. Актуальной проблемой стал анализ оснований математики, физики, других естественных наук, причем данные проблемы оказались одновременно и предметом философского размышления, и частью математики, физики и других наук. Сто или двести лет назад такое не очень практиковалось.

Сейчас наступает этап взаимодействия философии и ряда наук о человеке, которые приобретают новый смысл и значение. До недавних пор лишь естествознание считалось собственным наукой. Словом «наука» не называли отрасли гуманитарного знания. Теперь есть такой термин — *human sciences*, гуманитарные науки. Именно в этой сфере начинается новый этап развития, связанный с новым уровнем взаимодействия между антропологией, психологией, социологией, историей, лингвистикой и т.д. Одновременно идет всплеск интереса к философии. Возьмем, к примеру, психологию. Поначалу, отпочковавшись от философии и оформившись в качестве самостоятельной науки, психология была наукой экспериментальной, образованной по типу естественных наук. Начиная с того времени, психология долго развивалась в оппозиции к философии. Примером может служить бихевиоризм. Но такая направленность развития психологии уже в прошлом. Сейчас признано, что она — не только естественная наука. Главным для психологов становится понимание смыслов, которые человек вкладывает в свои действия, а не изучение исключительно поведения, реакций на какие-то внешние стимулы. Центральным становится анализ смысловых структур, анализ сознания, мышления.

В современной психологии существуют два направления. Первое — когнитивная психология, центральной ее проблемой является проблема ментальных репрезентаций реальности, проблема смысла, значения этих репрезентаций. В связи с этим психологи обратились к философской традиции, в частности, к традициям аналитической философии, феноменологии. Второе направление

представлено культурно-исторической школой, изучающей проблемы взаимоотношения культуры, деятельности и личности. Для этого направления проблема смысла, проблема сознания, проблема субъективности в центре внимания. А это все философские проблемы. Таким образом, теоретическая психология сегодня все больше философствует. То же самое можно сказать о ситуации в социологии: Ю. Хабермас, например, одновременно и социолог, и философ. На мой взгляд, речь идет о каком-то новом этапе в развитии гуманитарных наук и философии. Философия стала практически востребованной.

Получило развитие то направление современной философии, которое на Западе называют «прикладной философией». На первый план выдвигается этическая проблематика и связанные с ней темы. Бурно развивается политическая философия. Есть некоторые политические партии, программы которых основаны на идеях К. Поппера, а ведь он философ-теоретик. Ю. Хабермас является советником Шмидта, нынешнего канцлера Германии.

В США развивается когнитивная наука, *cognitive science*. Это попытка некоторой интеграции ряда наук — психологии, лингвистики, математики, с одной стороны, и философии, с другой. Многие философы Америки работают в лабораториях, разрабатывающих проблематику искусственного интеллекта. Специалисты по искусственному интеллекту создают программы его конструирования. Перед ними стоит задача приблизить искусственный интеллект к естественному, человеческому, но для этого необходимо задать некий образ человеческого мышления и образ той реальности, с которой имеет дело познающий человек. Разрабатываемая в связи с исследованием проблематики искусственного интеллекта т.н. формальная онтология использует идеи философской метафизики, в частности, работы Н. Гартмана, У. Уайтхеда и др.

— *А что Вы можете сказать о современной философии Востока?*

— В отличие от западной философии с восточной я знаком очень поверхностно. Хотя что-то читал из современных восточных авторов, что-то узнал после посещения Китая и Южной Кореи.

В Китае я был два раза, при этом первый раз (в 1988г.) провел там целый месяц, читал лекции, а второй раз был относительно недавно, спустя 14 лет после первого посещения. У меня немало друзей среди китайских философов. Сегодня в Китае довольно интересная философская ситуация.

Официальная идеология Китая — марксизм-ленинизм в определенной интерпретации. Но фактически среди китайских философов есть и сторонники аналитической философии, и феноменологии. Существует интерес к русской философии (в частности, к В.Соловьеву, Н.Бердяеву), к истории советской философии (публикуются работы, посвященные Б.М.Кедрову, И.Т.Фролову и др.). Китайские философы могут писать свои работы в духе разных философских направлений и публиковать их. Это не возбраняется. Нельзя только критиковать политику коммунистической партии. В 2002 г. я участвовал в Пекине в международной конференции. Среди докладчиков было примерно 6 китайцев. Все они прекрасно говорили по-английски.

Два доклада были сделаны в духе аналитической философии. Авторы прекрасно знали проблематику и последнюю литературу в этой области. Два других доклада были в духе ранних работ Маркса, при этом это было сделано на хорошем философском уровне, отнюдь не догматически. Наконец, два доклада были посвящены древней китайской философии. Один из докладчиков сказал примерно следующее: «я всю жизнь изучал западную философию и хорошо ее знаю (он говорит на трех западных языках). Я пришел к выводу, что западная философия находится в ситуации кризиса. Это выражение кризиса технологической цивилизации, которая не смогла решить проблему жизненных смыслов. Между тем, в древней китайской философии есть такое решение этих проблем, которое может оказаться актуальным именно сегодня, и не только для китайцев, но для всего человечества». Этот доклад, по моему мнению, выражает настроение, распространенное сегодня не только в Китае, но и в других азиатских странах, втянутых в процессы глобализации. Как соединить традиционные культурные ценности с ценностями современного информационного общества, как синтезировать идеи западной философии с идеями соответствующей восточной философии?

Я четыре раза посетил Южную Корею (последний раз в начале июня 2004 г.), участвовал там в разного рода международных конференциях. У меня немало хороших друзей среди южнокорейских философов. Все они получили прекрасное философское образование: учились в США или Германии (иногда в обеих странах). Но и для них острой и, возможно, главной является проблема соединения традиций западной и восточной философии. Для них это не академическая проблема, а проблема, связанная с судьбой их собственной культуры и с судьбой всей современной цивилизации.

— Читателям будет интересна и Ваша оценка состояния современной отечественной философской мысли

— Ситуацию в отечественной философии нельзя назвать однозначной. Когда-то во времена нэпа В. Ленин писал о многоукладной экономике. Вот и сейчас у нас «многоукладная» философия, в которой существуют разные философские движения. Некоторые из них продолжают разрабатывать идеи философии марксизма. Тех философов, которые делают это в духе принятой у нас раньше официальной «марксистско-ленинской» философии, осталось немного (хотя и раньше под общей шапкой марксизма в нашей философии развивались разные и при этом нередко интересные идеи: я имею в виду, в частности, Э.В.Ильенкова, В.С.Библера и др.). Философы, пытающиеся развивать сегодня определенные идеи Маркса в современном контексте, есть, и некоторые из них работают плодотворно и на современном уровне, т.е. принимая во внимание идеи других философских школ (я могу, в частности, назвать последние работы Т.И.Ойзермана). Между прочим, сегодня в мире интерес к идеям Маркса вовсе не исчез. Во многих работах обсуждается проблема отношения к наследию К. Маркса. Речь идет том, чтобы освободиться от крайних установок в оценке его идей — и от взгляда на них как предмет поклонения, и на огульное их отрицание, и перейти к взвешенной оценке наследия Маркса и сохране-

нию идей, имеющих актуальное значение. Не так давно я познакомился с работой американского философа Т. Рокмора «Маркс после марксизма», в которой содержится интересный вариант решения данной проблемы: в ней утверждается, что марксизм после Маркса во многом не понял глубоких идей Маркса, которые становятся актуальными именно сегодня.

В нашей философии представлены и другие направления. Ряд отечественных философов работает под влиянием аналитической философии, особенно те, кто занимается проблемами философской логики, эпистемологии, теории познания, эволюционной эпистемологии, философией когнитивной науки. В частности, в секторе теории познания Института философии РАН, который я возглавляю, мы обсуждаем и пытаемся развивать идеи аналитической философии, и, как мне кажется, небезуспешно. Есть группа последователей феноменологии, концентрирующихся вокруг журнала «Логос». У них также встречаются неплохие аналитические, исторические работы, представляющие добросовестный анализ идей Ж. П. Сартра, Э. Гуссерля, Г. Шпета, других философов. Но самостоятельного, оригинального творчества в этом русле я пока не наблюдал. Есть большой круг поклонников русской религиозной философии, специалистов, создавших прекрасные работы, посвященные В. Соловьеву, П. Флоренскому, Н. Бердяеву. Но людей, которые пытались бы оригинально развивать их идеи, пока мало. Один из них — С.С. Хоружий, он действительно пытается строить собственную религиозно-философскую концепцию.

Интересные работы делаются сегодня в области философии науки (я прежде всего выделяю работы В.С.Степина), этики, политической философии, социальной философии, истории западной философии, истории восточной философии.

Большая группа молодежи захвачена постмодернизмом. Идеи, культивируемые этим направлением, дают чувство освобождения от груза философской традиции, возможность свободного писательского стиля, возможность самовыражения. Среди представителей отечественной постмодернистской литературы встречаются самые разные авторы. Я не все читал, но то, что я читал, вызывает противоречивые оценки. Есть такие работы, в которых есть и достоинства, и недостатки, есть определенные находки, но что-то и отталкивает. Такое же неоднозначное отношение сформировалось у меня и к французским постмодернистам. Среди них есть глубокие исследователи, а есть поверхностные. В работах М. Фуко, например, много чрезвычайно интересного, особенно для историка идей. О его интерпретации тех или иных явлений можно спорить. Но всегда его подход интересен. То же можно сказать о Ж. Деррида, — его стиль иногда раздражает, но постановка проблем дает импульс для размышлений. Что же касается Ж. Делеза, то я пытался читать его книги, но не мог. Я не понимаю и не принимаю такой способ рассуждения. Книги многих наших постмодернистов я просто не могу читать, хотя не раз пытался это делать.

Резюмируя мое отношение к постмодернизму, скажу следующее. То, что называется постмодернизмом — это общая «шапка», условное наименование. На самом деле под этой шапкой скрываются достаточно разные позиции. Постмодернисты и

поставили ряд реальных проблем, существующих сегодня в культуре и обществе, отразили ряд реальных явлений. Они утрируют определенные ситуации, обстоятельства, часто просто эпатируют публику, но вместе с тем обращают внимание на некоторые реальные и проблемы. Однако способ решения проблем, который они предлагают, не удовлетворителен, во всяком случае, для меня. Их программная установка состоит в том, что ничего доказать нельзя, поэтому деятельность философа может ограничиваться игрой со словами, выворачиванием смыслов: «мужское», «женское», «реальное», «нереальное» и др.. Часто неясно, что же они хотят сказать по сути. Я считаю, что то, о чем нужно и хочется говорить, надо осмысленно выразить. Необходимо четко выражать позицию и , приводить определенные аргументы в ее защиту. Для меня философия — это высший способ мышления. Если для постмодернистов философия — это лишь поток самовыражения, абсолютно непонятный для других, то я не могу назвать это способом мышления. Философия — это прежде всего дискуссия, это нахождение аргументов «за» и «против». Это мышление на пределе своих возможностей. Между тем, то, что невнятно сформулировано и не аргументировано, не может обсуждаться. Поэтому постмодернизм, с моей точки зрения, это отказ от философии и от мышления вообще. Это, как кто-то удачно сказал, «попкультура для интеллигенции». Это попытка сделать из философии эстрадное представление, массовое зрелище, шоу, привлечь к себе внимание. Я понимаю, что в культуре должен быть и балаган, и шоу, что есть массовая и элитарная культура, низкая и высокая и т.п. Однако в культуре как целом есть взаимодействие между разными ее слоями. Философия как рефлексия над основаниями культуры — это все-таки достаточно серьезная вещь. Культура не существует без оппозиций: доброго и злого, высокого и низкого, истинного и ложного, реального и нереального, правильного и неправильного. Оппозиции в культуре всегда, на каждом историческом этапе, были, есть и будут, их смысл исторически меняется, нормы культуры время от времени пересматриваются. Но сами нормы должны существовать! Без них культура невозможна. Без них невозможен и человек как творец и продукт культуры. Постмодернисты пытаются снять оппозиции, растворить их. Однажды после просмотра текста одного постмодерниста я сказал ему: «Я Вас не понимаю, хочу понять, но не могу». Он мне ответил, что сам не понимает того, что написал, и посоветовал даже и не пытаться его понять. Такой позиции я не разделяю. Если текст не понятен, он не может обсуждаться. А философия для меня — это способ коммуникации.

— Как Вы оцениваете участие россиян в работе международного Философского конгресса?

— Конгресс стал большим и интересным событием в философской жизни мирового философского сообщества. В нем участвовало около полутора тысяч человек, представляющих и западные, и незападные страны. Он состоялся в Стамбуле, городе на границе двух культур — христианской и исламской. Общая тема Конгресса: «Философия перед лицом глобальных проблем». Обсуждались очень острые современные проблемы в области социальной и политической философии и проблемы философии в целом. Ставилась про-

блема самоопределения философии в свете происходящих в мире процессов. Нас приветствовал президент Турции. На пленарном заседании с интересными докладом выступали Ю. Хабермас, А.Хеллер (ученица Д. Лукача), Дж. Ваттимо и др. Российских философов на конгрессе было более ста человек. Основная часть их прибыла на «философском пароходе» «Мария Ермолова». Было три приглашенных докладчика: академик А.А. Гусейнов делал доклад на симпозиуме, посвященном проблеме войны, мира и насилия; я и В.С. Степин участвовали в специальном заседании, посвященном теме «Интеграции естественных и гуманитарных наук». Восемь наших философов руководили секциями. Российские философы были председателями «круглых столов»: я руководил «столом», посвященном наследию В. Соловьева, другим руководил А.Н. Чумаков, третьим руководил он же вместе с американским философом В.Геем.. Состоялась презентация «Энциклопедии глобалистики» под редакцией А.Н. Чумакова и А.А.Мазура. Наша делегация организовала прием участников Конгресса на борту «Марии Ермоловой». Наши философы были весьма активны: они были инициаторами ряда дискуссий, приглашая к участию в них американцев, немцев, представителей других стран. Особенности Конгресса в том, что российские философы стали центром внимания. Уже московский конгресс показал весомую роль российской философии, международный философский в Стамбуле это подтвердил еще раз. Значительную роль россиян на конгрессе отметила И. Кучуради, президент Конгресса и Международной федерации философских обществ, многие другие — и публично, и в частных беседах. Это тем более важно, что несколько лет назад, в 1992 г. на одном из заседаний Совета директоров Международной федерации философских обществ, членом которого я был пятнадцать лет, был задан вопрос: существует ли реально российское философское общество? В то время существовало мнение, что такового уже нет. Так можно было подумать, поскольку прекратил свое существование Советский Союз, распалось Философское общество, философы рассредоточились по регионам. Сейчас можно констатировать: философское общество в России есть. В последние годы оно воссоздалось и расширяет количество своих членов — сейчас оно насчитывает около 3000 человек. Это самое большое философское общество в мире, сопоставимое с соответствующим обществом США. В настоящее время начинается широкое взаимодействие между философами России. По инициативе Философского общества уже проводились конгрессы в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Москве. Мы регулярно посылаем информацию о событиях в жизни и деятельности российской философской общественности в Международную Федерацию философских обществ. В России проходит масса международных и российских конференций, симпозиумов, семинаров. На этом Конгрессе зарубежные философы мне не раз говорили, что они поняли: философия в России возродилась. Оценивая Конгресс в целом, можно сказать, что он был интересным, удачным и стал одним из этапных событий в философской жизни.

— Какая философская проблематика, на Ваш взгляд, является наиболее актуальной?

— Как мне представляется, философия в нашей

культуре востребована. Актуальных философских проблем множество. Общественная потребность в философии становится наиболее острой, когда общество и культура переживают переломные периоды. Когда все ясно — что хорошо, что плохо, что можно ожидать в ближайшем будущем — философы продолжают вести свои исследования, но остальным кажется, что философия не нужна. Но в переломные моменты истории переворачиваются все ценностные представления. В шутку можно сказать, что не от хорошей жизни люди начинают философствовать. Такую переломную ситуацию переживает не только наше общество, но и мир в целом. Наступил новый этап в развитии человечества, этап глобализации, этап столкновения с неизведанными проблемами. Приходится размышлять о глубинных основаниях человеческой жизни и деятельности. Меняются представления о возможностях и границах познания, о пределах и критериях человеческой деятельности. Меняется сам человек, соответственно и меняются представления о нем. Сейчас начинают писать и говорить о «постчеловеческом будущем». Ф. Фукуяма выпустил книгу «Наше постчеловеческое будущее», где утверждает о скором исчезновении человека в том смысле, который является для нас привычным.. Данная проблема существует на самом деле. Когда постмодернисты начали писать о смерти человека, субъекта, это казалось абсурдным. Но теперь само существование человечества как целого и человека как особого существа проблематично. Человек — существо естественно-искусственное. Преобразовав природу, среду своего обитания, человек взялся за изменение самого себя. Причем, диапазон изменений достаточно широк. Одну границу данного диапазона составляют изменения информационной среды, в которой фиксируется представление о человеке «Я». Вопрос заключается в том, сохраняется ли «Я» человека? Что происходит с человеческой субъективностью? Что сохраняется в субъекте, что меняется? Другая граница этих изменений связана результатами генной инженерии, занимающейся проектированием человеческой телесности. Начаты генно-инженерные преобразования человека. Наука позволяет изменять человеческую телесность. Но в этой связи возникает вопрос о смысле этого процесса: к чему он может привести? Ведь вся наша культура предполагает ту человеческую телесность, которая существовала до сих пор. На самом деле мы имеем дело с новой утопией — утопией генно-технологической. Популярное у нас представление о том, что мы избавились от всяких утопий — не что иное, как очередная утопия, чепуха. Пока люди живут, они будут придумывать утопии. Мы будем всегда жить с утопическим сознанием. История свидетельствует о том, что утопии иногда осуществляются! Как сказал Н. Бердяев, особенность утопии не в том, что они не существуют, а в том, что они могут осуществиться!

Этими проблемами занимаются в Институте философии: и специалисты по этике, и специалисты по философии науки и теории познания. Это проблематика, которой я сегодня занимаюсь. Более специально меня интересуют вопросы человеческой субъективности, искусственного интеллекта, я занимаюсь философской психологией. Через год мы будем проводить российскую конференцию «Философия и искусственный интеллект».

Мы задумали провести «круглый стол» в журнале «Вопросы философии» под названием «Философия и когнитивные науки». Существует масса актуальных проблем, связанных с познанием, мышлением, сознанием. Проблематика сознания находится сейчас в центре больших дискуссий. Множество людей в мире работают над этой проблематикой, выпускается большое количество книг, статей. Раньше это была чисто философская, абстрактная проблематика, но в последнее время начался некий «бум» в этой области, поскольку данная проблема возникает на стыке целого ряда наук — психоневрологии, психологии, математики, физики и других.

Второй круг проблем, который я хотел бы выделить, это философский анализ синергетической парадигмы. Синергетика — это не только направление, или совокупность теорий, идей, а общий подход, применяемый к разным сферам, в том числе и к анализу познания, психики, и используемый разными науками — психологией, педагогикой и т.д. В этой области существует активное интеллектуальное движение, осуществляющее взаимодействие философии и других специальных наук. Это движение возглавляет отдел философии науки Института философии РАН. У этого движения есть значительные перспективы.

Еще один круг проблем — это относительно новая для нас проблематика политической философии. В советское время политика была священной сферой, которую официально представляли ЦК КПСС, чиновники, — люди, специально уполномоченные на это. Не было собственно политики, не было и субъектов политики. Политика как область деятельности возникла не так давно, с изменением идеологической и политической ситуации в стране. Политической философии не было, хотя выпускались книги о политике (например, посвященные диалектике политики), не имевшие практически никакого смысла. Сейчас данная проблематика интенсивно разрабатывается. Есть яркие имена в отечественной политической философии, есть новые идеи. Политология занимается теоретическим анализом политических процессов в обществе. Политическая философия представляет собой попытку анализа ценностей и норм политической жизни. Возникает множество новых проблем и сюжетов. Скажем, проблема социальной справедливости в постановке Дж. Роллза. Она возникает на стыке этики и политической философии. Ю. Хабермас и К. Поппер являются политическими философами (хотя Ю.Хабермас в то же время социолог, а К.Поппер — один из крупнейших в 20 веке философов науки).. Основные понятия, которые они выдвигают, — критицизма, коммуникации, коммуникативной рациональности и др., — это философские понятия, примененные к политическим сюжетам, это понятия и философии, и политической жизни..

Одной из основных дискуссионных тем Конгресса была проблема демократии в современном мире. Год назад в Канаде был конгресс политологов, посвященный проблемам демократии. Большинство его участников пришло к мнению, что будущее демократии в опасности, порождаемой глобализацией и другими процессами. Демократия — отнюдь не абсолютно ясное понятие, это скорее, идеал-норма. Многие философы писали о демократии — Дж. Дьюи, Б. Рассел, в наше

время — К. Поппер, Ю. Хабермас, другие. Проблема гражданского общества также относится к этому ряду актуальных, но неоднозначных проблем. Гражданское общество — это не столько реальность, сколько идеал. Это реальность лишь отчасти, идеальное гражданское общество нигде не воплотилось, в том числе и в тех странах, где, казалось бы, оно должно существовать. В России — тем более.. Нельзя сказать, что Россия — полностью не демократическая страна, но и обратное утверждение может быть принято с существенными оговорками. Некоторые считают, что даже там, где гражданское общество в какой-то степени существовало (скажем, в США), оно постепенно исчезает. Это связано с противоречивыми информационными процессами, с глобализацией. Соответственно изменяющейся реальности происходит и размывание понятия «гражданское общество». Идет процесс атомизации индивидов, их уход в частную сферу. Эта проблема требует своего философского и политологического освещения, она представляет теоретическую значимость и актуальна в плане политической практики.

Наконец, проблематика социальной философии. Сегодня, как я уже заметил, старые границы между науками о человеке и обществе исчезают. Психология, культурная антропология, социология, история вступили в новую фазу взаимодействия. В этой связи многие представители этих дисциплин начинают философствовать. А социальная философия начинает играть новую и очень важную роль. При этом сама она меняется. Эта новая проблематика социальной философии начинает у нас рассматриваться. В этой связи я хотел бы специально обратить внимание на ту интересную работу, которая делается на кафедре социальной философии Екатеринбургского Университета.

— *Владислав Александрович, познакомьте читателей с планами «круглых столов» вашего журнала на 2004 г.*

— Сначала я скажу о материалах уже проведенных «круглых столов», которые будут опубликованы в первых номерах журнала в этом году. Первым я назову обсуждение книги Т.И. Ойзермана, патриарха нашей философии, которому в мае исполнилось 90 лет, «Марксизм и утопизм». Это человек, сохранивший исключительную работоспособность и силу философского мышления, несмотря на свой преклонный возраст. Книга представляет собой пересмотр ранних работ автора и критическое осмысление всего написанного о марксизме. Фактически состоялось не только обсуждение книги, но дискуссия на тему об утопии. Как я уже сказал, от утопий можно избавиться лишь частично. Вся цивилизация — процесс сочинения утопий и череда попыток их осуществления. Причем, некоторые из них частично осуществились, как, например, идея правового государства. В ходе обсуждения книги мы вышли на тему природы философии. Очень важно было определить отношение к марксизму, дать критическую оценку его недостатков и достоинств. По этому вопросу существуют диаметрально противоположные позиции.

«Круглый стол» на тему «Философия в современной культуре» состоялся в 2003 г., но материалы его мы публикуем весной 2004 г. Философия должна время от времени смотреть на себя, критически осмысливать свои основания. Это мы и пытались сделать. В ходе острых споров выявились

весьма разные позиции.

К лету будут опубликованы материалы «круглого стола»: «Философия и интеграция современного социального знания» (в этом круглом столе участвовали философы из Екатеринбурга). Была принята попытка анализа нового этапа развития социального знания, характера взаимодействия наук об обществе и человеке. Коллизии, возникшие в современном обществе, требуют нового структурирования социальных наук.

В декабре 2003 г. вышли материалы «круглого стола»: «Современные информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре». Судьбы рациональности, ее прошлое и будущее, существенное изменение ее роли в настоящее время, составляют острую и весьма злободневную проблему — особенно в контексте развития современной информационной цивилизации.

В июле должны выйти материалы «круглого стола»: «Молодежь и наука». Это практический и одновременно философский и науковедческий сюжет, посвященный анализу того, что происходит в российской науке. В ходе дискуссии поднимались проблемы преемственности в науке, отношения старших и младших поколений ученых. Речь шла об отношении поколений в философии, о проблемах воспитания, о подготовке молодых кадров для исследовательской работы. Значительные изменения, происходящие в этой области, требуют осмысления. Например, проблема привлекательности научной карьеры для молодежи. Не секрет, что здесь есть, о чем задуматься.

Планируется проведение «круглого стола» «Философия и когнитивные науки». Существует настоятельная потребность в анализе современного этапа взаимодействия философии и специальных наук, изучающих познавательную деятельность.

Я ничего не говорил пока об этической и эстетической тематике, однако надо сказать, что этические проблемы встают перед обществом с новой силой. Самые острые дискуссионные темы в этой области — этика и политика, этика и биоэтика. Последняя тема актуальна и в мире, и в нашей стране. Появляются оригинальные работы по этике авторов, живущих в регионах, в частности, в Туле. Мы публикуем этих авторов.

Еще одно направление философских исследований — философские переводы. Переводы сейчас издаются не только в Москве, и это отрядный факт. Но в этой связи возникают и проблемы: возможности перевода текстов на русский язык, необходимость введения новых философских терминов и т.д. Эти проблемы мы тоже периодически обсуждаем в журнале.

История русской философии — еще одно бурно развивающееся направление. Мы печатаем и исследования по истории русской философии, и неопубликованные тексты русских мыслителей.

Наша философская жизнь стала сложнее, что имеет и позитивное, и, подчас, негативное значение. Появилось много центров философской жизни. Издается много любопытных книг в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Томске, Самаре... Правда, в связи с этим есть и проблемы: все же контакты между региональными центрами российской философии не до конца налажены (хотя они сегодня значительно лучше, чем несколько лет тому назад). Поэтому не всегда

о хороших книгах, выходящих в других городах, наши философы знают, эти книги не всегда обсуждаются так, как они того заслуживают. Но в целом тот факт, что появилось несколько центров философской жизни — это, конечно, позитивное явление. Так и должно быть!

— Владислав Александрович, а каковы принципы отбора статей для журнала?

— Существуют разные источники получения текстов для «Вопросов философии». Некоторые статьи приходят «самотеком»: автор сам присылает или приносит свою статью в журнал. Этот автор может быть известным философом, а может быть и человеком, который никогда у нас не печатался и вообще нам неизвестен. Среди текстов таких авторов могут быть и интересные. Каждый год мы таким способом «открываем» новых авторов, публикуем их. После этого они начинают печататься у нас и из неизвестных становятся известными. Некоторые статьи мы заказываем специалистам по определенной тематике, если считаем, что есть потребность обсудить данные проблемы. Наши редакторы заняты поисками новых авторов. Для этого они регулярно посещают разные конференции, семинары, слушают доклады, а затем предлагают дать статью для журнала тем докладчикам, которые их особенно заинтересовали. Этим занимаюсь и я, при этом не только в отношении отечественных авторов, но и авторов зарубежных. Нас может заинтересовать новая книга, и мы можем предложить автору дать статью в связи с тематикой книги. Наконец, как я только что говорил, мы систематически организуем «круглые столы» по тематике, которая представляется нам актуальной. Состав участников «круглого стола» мы подбираем сами: поскольку число этих участников ограничено, мы приглашаем в него только известных специалистов. Любой публикуемый нами материал читают члены редколлегии и высказывают свои суждения. Критерии для публикации у нас довольно высокие. Я читаю все материалы, предлагаемые в номер. Пока мы не можем пожаловаться на нехватку интересных текстов. К счастью, мы получаем их немало. И поэтому, к сожалению, некоторые тексты должны стоять в очереди на публикацию.

— Владислав Александрович, скажите несколько слов в адрес нашего альманаха.

— Я очень рад, что есть такое издание. Я несколько раз был в Екатеринбурге, встречался и общался с интересными философами, читал книги, изданные у вас, был на лекциях некоторых известных философов-свердловчан. У вас замечательный философский факультет в Университете, плодотворно работающий Институт философии и права Уральского отделения РАН, вообще происходит много нового. При малейшей возможности я хотел бы снова попасть в ваш город. Что касается вашего альманаха, хочу сказать, что журнальная форма — это живая форма, содержащая живую философию, отвечающую на насущные потребности общества, культуры, практической жизни. Я поздравляю вас с тем, что вы делаете, и желаю успешного продолжения альманаха, при этом в более частом режиме!

Подготовила и провела
И.Б. Фан.

Ирина Борисовна Фан,
кандидат философских наук,
научный сотрудник Института
философии и права УрО РАН